

Цзян Жань едва сдержала усмешку, услышав это. Так это же просто иероглифы! Она знала, что официальный язык Империи действительно очень похож на китайский, и теперь понимала, зачем Ци Лянь всё так подробно объясняла.

— Но язык Империи — исключение. Обычно языки не существуют изолированно. Возьмём, к примеру, ваш общегосударственный: это официальный язык, синтезированный из существующих языковых систем Федерации. А на разных планетах, даже в разных регионах одной планеты, люди говорят на разных наречиях. На одной только столичной планете есть иманский, сисейский, эрдосский... Но они не оторваны друг от друга, все принадлежат к одной языковой семье. Базовые буквы, правила орфографии, даже употребление времён — в основном сходны. Общегосударственный — ваш родной, вы им владеете в совершенстве, а значит, должны найти подход и к другим языкам этой семьи.

Цзян Жань слушала, разинув рот, а Ци Лянь говорила без умолку.

— Разные языки одной семьи легче всего поддаются изучению. Я приехала в Федерацию в пятнадцать, и на освоение вашего языка ушло три года. Зато потом я всего за два года примерно выучила ещё три похожих.

— Но ты же не видишь... Как ты училась?

— По буквам. На ощупь и на слух. Я не вижу, но базовых букв всего несколько десятков. Основную лексику и всевозможные комбинации можно освоить через прикосновение и произношение. Разумеется, условия у меня были хорошие: со мной напрямую занимались профессиональные педагоги, поэтому прогресс шёл быстрее.

Ци Лянь говорила так буднично, что Цзян Жань была потрясена.

Что за сила духа заставляет слепого человека с таким упорством грызть гранит науки?

— Ци Лянь, а правда, что тот, кто может стать героем, и во всём остальном обязательно превосходит других? — В глазах Цзян Жань вспыхнуло восхищение гением.

Но Ци Лянь лишь мягко покачала головой:

— Нет.

Она сидела в кабинетном кресле, тонкие пальцы лежали на книге со шрифтом Брайля и привычно, размеренно водили по выпуклым точкам. В её глазах, тёмных как вечная ночь, мелькнула тень усталости:

— Просто было очень скучно.

— В мире слепого не только темно. Даже время течёт медленнее. — Свет в кабинете был ярким, но, попадая в глаза Ци Лянь, лишь подчёркивал их бездонную черноту. Чёрные, словно космическая пустота, в которой бесследно исчезает всё.

Свет, красота мира, надежда в сердце...

Всё исчезло. Осталось лишь спокойствие.

— Время тянется невыносимо медленно. Если не учиться, как его убить?

— Ци Лянь...

— Так ты мне веришь?

— ...Верю.

На губах Ци Лянь дрогнула лёгкая, изящная улыбка:

— Тогда начнём дополнительные занятия. Для федералов язык Империи, пожалуй, сложнее всего, поэтому отложим его. Начнём с того, что тебе будет понятнее...

Не успела Цзян Жань опомниться, как они уже сидели рядом. Пока та пребывала в лёгком ступоре, Ци Лянь достала лист бумаги, на ощупь нашла ручку, вручила ей — и первый урок начался.

...

Неожиданно согласившись на дополнительные занятия, да ещё под руководством самой Ци Лянь, Цзян Жань не могла не удивиться такому повороту. Но нельзя было не признать: Ци Лянь оказалась прирождённым педагогом. Она объясняла всё до мелочей, и поскольку сама писать не могла, предпочитала диктовать слова, чтобы Цзян Жань записывала их — так та лучше запоминала.

Волосы у Ци Лянь всегда были короткими. Когда она не укладывала их в причёску, они мягкими прядями ниспадали на плечи. Говорила она тихо и спокойно, её слегка хриловатый, с холодноватыми нотками голос звучал, словно журчание ручья. От корней слов до грамматических правил — она разжёвывала всё так тщательно, что даже Цзян Жань с её слабой базой начала понемногу вникать.

«Урок» пролетел незаметно. Цзян Жань казалось, что они только начали, а Ци Лянь уже потирала виски. Та взглянула на часы и поняла: уже почти время, когда Ци Лянь обычно ложится спать.

Смущённо попросив её остановиться, она от всей души поблагодарила учительницу. Ци Лянь приняла благодарность с достоинством, не преминув напомнить:

— Главное — не бросить на полпути.

Даже Ци Лянь, всего лишь знакомая, относилась к её учёбе серьёзнее, чем она сама. Цзян Жань покраснела и дала слово. Вспомнив о привычках подруги, она словно очнулась, поднялась и повела её в ванную.

— Здесь, конечно, куда меньше, чем у тебя, но всё необходимое есть. Вот ванна, вот душ. Ты, наверное, предпочитаешь ванну? Кнопка подачи воды здесь, можно отрегулировать температуру. Рядом — кнопка слива. Гель для душа и шампунь я поставила рядом, чтобы тебе было удобно. — Показывая Ци Лянь ванную, Цзян Жань то и дело брала её за руку, подводя к различным кнопкам и рычагам. Её ладонь была гораздо теплее, и прикосновение к руке Ци Лянь напоминало прикосновение к кусочку льда. Обе чувствовали лёгкую неловкость, поэтому Цзян Жань старалась объяснять быстрее.

Ци Лянь внимательно слушала, стараясь запомнить каждое слово. Когда Цзян Жань, успокоившись, уже собралась уходить, та тихо окликнула её и попросила принести одежду.

— А? Ах, да! В шкафу в спальне, правильно? Сейчас, принесу.

Только тут Цзян Жань вспомнила, что Ци Лянь сама не может выбрать подходящий наряд. Она вернулась в спальню и на мгновение застыла в изумлении: в шкафу висели десятки новых комплектов одежды. Достав ночную сорочку, она на секунду задумалась, не решившись разглядывать её пристально, затем порылась в нижних ящичках, нашла нижнее бельё и отнесла всё Ци Лянь.

Та стояла, держа одежду в руках, с той же невозмутимой грацией, с какой вела урок. Она тихо поблагодарила, сказав, что доставила беспокойство. Цзян Жань слушала, а на душе у неё становилось горько.

Ведь если говорить о неудобствах, то этот слепой человек сталкивается с ними на каждом шагу.

Она не может сама выбрать, что надеть. Без посторонней помощи ей трудно даже просто одеться. Она не видит, и, выйдя за порог, без трости или инвалидного кресла с автономной навигацией, не может свободно передвигаться... То, что для обычного человека — пытка, для Ци Лянь стало повседневностью.

Размышляя об этой жестокой реальности, Цзян Жань с трудом выдавила улыбку:

— Ладно, я выйду. Если что-то понадобится — просто позови.

Ци Лянь снова поблагодарила. Цзян Жань вышла, притворив за собой дверь.

Дверь в ванную не запиралась изнутри — на случай, если с Ци Лянь что-то случится. А это означало, что у этой сдержанной и элегантной женщины не оставалось ни крупицы личного пространства перед Цзян Жань.

Личное пространство — это достоинство. И в этом смысле слепой лишён достоинства.

Самое же печальное, что это лишение необходимо для его же безопасности.

Перелистывая конспект, Цзян Жань сидела на диване и время от времени непроизвольно поглядывала в сторону ванной.

Она постепенно начинала понимать: как бы спокойно и независимо ни держалась Ци Лянь, слепота уже навсегда изменила её жизнь.

Цзян Жань чувствовала: в основе этих изменений — боль. Просто Ци Лянь нашла способ сделать их менее заметными, притупить страдания.

Она это понимала. Но что она могла поделать? Разве что принести ночную сорочку, когда Ци Лянь попросит. И всё.

У каждого своя жизнь.

Дорога повара — повару, дорога наследной принцессы — наследной принцессе. И даже если эти пути пересекутся, это будет всего лишь мимолётная встреча, завершающаяся кивком или рукопожатием. У Цзян Жань было доброе сердце, но она не была из тех, кто убивается над каждой чужой бедой.

Ведь в её собственном сердце тоже зияла рана.

<http://bllate.org/book/15936/1424406>